

ОТ ЗАКЛЮЧЕНИЯ К ВЕРШИНАМ ВЛАСТИ: «ИСТОРИЧЕСКИЕ ФРАГМЕНТЫ» КАК ЭТАП В СТАНОВЛЕНИИ МИРОВОСПРИЯТИЯ НАПОЛЕОНА III

А. А. Кротов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 15 июня 2023 г.

Аннотация: в статье анализируется политическая философия Луи Бонапарта, выраженная в его написанных в заключении «Исторических фрагментах». Показано стремление политического узника включить свои идеи и поступки во всемирно-исторический контекст. Если он вполне справедливо выступал против поспешных, поверхностных аналогий в истории, то развиваемая им социально-философская концепция оказывается уязвима прежде всего в самой интенции обнаруживать в прошлом подтверждение политических убеждений и пристрастий своего автора.

Ключевые слова: философия истории, Наполеон III, бонапартизм, французская философия.

Abstract: the article analyzes the political philosophy of Louis Bonaparte, expressed in his written in imprisonment «Historical Fragments». The desire of a political prisoner to include his ideas and actions in the context of world history is shown. If he quite rightly opposed hasty, superficial analogies in history, then the concept of social philosophy developed by him turns out to be vulnerable, first of all, in the intention to find in the past confirmation of the political beliefs and addictions of its author.

Key words: philosophy of history, Napoleon III, Bonapartism, French philosophy.

Луи Бонапарт, вошедший в историю как Наполеон III, не был чужд социально-философских интересов. Более того, он использовал теоретические социальные конструкции в политической борьбе, в своем стремлении встать во главе государства. По-видимому, для него погружение в мир смыслов практически ориентированной философии не было выражением всего лишь достаточно примитивного желания сугубо внешне приспособиться к сложившимся политическим обстоятельствам. За этим погружением в значительной степени стояло намерение разобраться в сути современных социальных процессов, предложить меры, которые способствовали бы процветанию родины. Другой вопрос, что меры эти представлялись Луи Бонапарту сквозь призму полученного воспитания, усвоенного с детства преклонения перед личностью Наполеона I, убеждения в положительной, благотворной роли империи во французской истории.

В сочинении «Наполеоновские идеи» (1839) Луи Бонапарт, отстаивая идею прогресса, связывает ее с деятельностью выдающихся правителей: Александра, Цезаря, Карла Великого. Разумеется, особое место в этом ряду он отводит Наполеону, которого рассматривает как продолжателя дела революции, закрепившего ее завоевания, объединившего французов, давшего отпор иностранным захватчикам. Наполеон,

по его мысли, был провозвестником новых идей, защитником равенства и свободы, планировавшим создание европейской конфедерации. Он потерпел неудачу, потому что стремился за считанные годы проделать работу столетий. Но брошенные им семена проросли и дело его, как общее дело народов, непременно восторжествует. По сути, Луи Бонапартом была разработана пропагандистская основа, оправдывающая его выступление против правительства Луи-Филиппа.

После неудачной попытки захвата власти, предпринятой Луи Бонапартом в Булони в 1840 г., палата пэров приговаривает его к пожизненному заключению. Отбывая наказание в форте Гам, он пишет и публикует работу «Исторические фрагменты 1688 и 1830» (1841), которой отмечен важный этап в становлении его мировосприятия. Уже в предисловии он прямо дает понять читателю, что обращение к историческим сюжетам служит ему для изложения собственных «убеждений и мыслей». Причем это изложение, недвусмысленно направленное против политических недругов. Он заявляет, что хорошо сознает необходимость тишины для тех, кто оказался подвергнут несчастьям, но, когда представители восторжествовавшей стороны «злоупотребили своей победой», «призвав себе на помощь клевету и ложь, это оружие слабости и страха, сопротивление становится обязанностью, и молчать было бы малодушием» [1, I, p. 237].

Ответ узника злорадствующим недоброжелателям был призван показать, насколько все его поступки логичны, продиктованы общими представлениями о ходе человеческой истории. Они отнюдь не были следствием импульсивных, необдуманных, нелепых побуждений.

«Я далек от идеи снова начинать полемику, в которой страсти всегда с большим успехом борются с разумом! Мне достаточно, чтобы отомстить за мою честь, доказать, что если я отважно пустился в бурное море, то не без предварительного глубокого размышления о причинах и следствиях революций, о подводных камнях успеха, как и о безднах кораблекрушения» [ibid., I, p. 237–238]. В этом – смысл публикации текста, который Луи Бонапарт с изрядным пафосом называет «извлечением из моих исторических исследований».

Автор «фрагментов» не обходит упоминанием и своего родства с Наполеоном I, связывая это обстоятельство с мыслью о несправедливости претерпеваемых им преследований: «В то время как в Париже свято чтут останки Императора, я, его племянник, я погребен заживо в тесном узилище; но я смею над непоследовательностью людей и благодарю небо за предоставление мне в качестве убежища, после стольких жестоких испытаний, тюрьмы на французской земле». Луи Бонапарт, таким образом, дает понять, что предпочитает изгнанию заключение, но на родине! Образ бескорыстного патриота дополняют черты мудреца, стойчески переносящего невзгоды, взвешивающего на временное торжество своих недругов с высоты постигнутой истины: «я утешаюсь в настоящем, наблюдая будущее моих врагов, запечатленное нестираемыми буквами в истории всех народов» [ibid., I, p. 238]. Он упоминает, что поддержкой ему служат «страстная вера» и лишенное низменных мотивов, «чистое сознание».

Сравнивая две революции, Луи Бонапарт по большей части говорит об английской. Но его главные выводы из сопоставительного анализа вполне ясны. В изложении событий 1688 г. он, по существу, опирается на работы Буле де ла Мерта, Юма, Гизо, Мазюра.

Он задается вопросом, правомерно ли считать французскую революцию 1830 г., по образцу ее далекой британской предшественницы, началом «новой эры славы и свободы». Будет ли она выглядеть новым историческим рубежом в глазах последующих поколений? Автор «фрагментов», прежде всего, предлагает отбросить ложные аналогии между двумя событиями. Истоки двух революций различны, ибо само состояние обществ накануне сильно изменивших их потрясений отнюдь не было тождественным. Отличны оказались и результаты революций. «Нам было бы легко доказать, что Империя, вечный памятник гражданской и военной славы, не походит ни в чем на

кровавую и фанатичную власть Кромвеля, и наконец, что реставрация Бурбонов отличается во многих отношениях от реставрации Стюартов» [ibid., I, p. 240]. В истории двух революций, на его взгляд, некоторое сходство можно найти только в общей схеме, своего рода каркасе событий.

Луи Бонапарт говорил о двух типах восприятия исторического развития. Его этапы могут рассматриваться как распадающиеся на отдельные поступки людей, или же трактоваться в их «философской связи». «Жизнь народов состоит из полных драм и изолированных действий. Когда охватывают события драмы в совокупности, открывают основу всех фактов, связь всех идей, причину всех изменений; но, если рассматривают только частичные действия, эти великие социальные потрясения предстают не больше, чем следствием случайности и человеческой непоследовательности» [ibid., I, p. 241].

Согласно Луи Бонапарту, драма английской революции, если обратиться ее истокам, начинается с XVI в., а ее развязка наступает в конце XVII в. На протяжении всего этого периода английский народ вел борьбу за одни и те же цели, которые в итоге оказались достигнуты. Во-первых, речь шла об упрочении религиозной реформы. С этой реформой по преимуществу англичане связывали все свои национальные интересы. Во-вторых, англичане стремились сделать собственный морской флот самым мощным в мире, что увеличило бы их влияние повсеместно. В-третьих, они боролись за «полное применение своих свобод». Принимая во внимание упомянутые цели, согласно Луи Бонапарту, легко понять, какую роль сыграли те или иные властители в английской истории. Елизавета способствовала торжеству протестантизма и росту британского могущества, поэтому ее прославляли. Кромвель и республика действовали деспотически, «под прикрытием национального достоинства». Поэтому республика оказалась недолговечна. Стюарты, в свою очередь, пали, поскольку не считались с желаниями народа, отвергали все три приоритетных его цели. Наконец, Вильгельм III сумел удовлетворить все устремления народа. Его достижения, в сравнении с предшественниками, наиболее велики. Таким образом, знаменитая английская система правления была результатом почти вековой борьбы общества и власти. Этой системой, замечает Луи Бонапарт, «невозможно не восхищаться». Нация достигла своих целей, преодолела все препятствия, хотя ей и довелось столкнуться с деспотизмом и фанатизмом. Пример этот, на его взгляд, показателен, ибо во всех странах нужды и жалобы народа облекаются в форму принципов, идей, обретающих своих сторонников.

Политические страсти ведут к образованию союзов, партий, которые, хотя и могут быть рождены

общим национальным движением, воплощают собой разные подходы, со своим особенным пониманием истины, со своей ограниченностью, недостатками. Партии сталкиваются в противостоянии, и в этой борьбе выкристаллизовывается общее согласие, «национальная истина». Ее выразителем становится «представитель» нации, стоящий во главе политической жизни. В Англии таким полноправным представителем нации оказался Вильгельм III. Поэтому революция 1688 г. оказала благотворное влияние на жизнь страны, отсюда «сто пятьдесят три года процветания, величия и свободы».

Луи Бонапарт предостерегает против поверхностных заключений, побуждающих принимать за причины падения государств события второстепенной важности. Чаще всего они всего лишь с очевидностью высвечивают произошедшие перемены, но не служат их объяснением. Автор «фрагментов» претендует на философское постижение истории, раскрывающее причины продолжительности или кратковременности различных систем правления. «Правительство может часто безнаказанно нарушать законность и даже свободу; но, если оно не становится открыто во главе великих интересов цивилизации, оно обладает только эфемерной продолжительностью; и это простое философское основание, которое является причиной его смерти, именуется *фатальностью*, когда не желают отдавать себе в нем отчет» [ibid., I, p. 243].

В истории он видит закономерное развитие, развертывание взаимосвязанных тенденций. «Таким образом, следовательно, совсем не случай управляет судьбами наций; вовсе не непредвиденное происшествие опрокидывает или поддерживает троны; имеется общая причина, руководящая событиями и составляющая их логически вытекать одно из другого» [ibid., I, p. 243].

С демонстративной скромностью он заявляет, что только будущее покажет, станет ли революция 1830 г. настолько же полезна для Франции, какой оказалась ее предшественница для Англии. Но, с другой стороны, установка на проникновение в сущность причинно-следственных связей в истории с очевидностью намекает на возможность решения этого вопроса: «Что до нас, не намереваясь проникнуть в тайны Провидения, удовольствуемся изучением причин и следствий этих великих политических драм и поиском в истории прошлого некоторого утешения в наших бедах, некоторой надежды для нашей родины» [I, p. 245].

За показной скромностью легко разглядеть подлинную позицию автора: «Политика 1830 года не есть политика 1688; она полностью ей противоположна» [ibid., I, p. 280]. Ущербность политики Луи-Филиппа узник видит в том, что ею проводится, на его взгляд, отжившая свое и провалившаяся «система Стюар-

тов», а вовсе не система принципов Вильгельма Оранского.

Вильгельм, согласно Луи Бонапарту, вызывал восхищение англичан и своим характером, и религиозными убеждениями. Страна искала выход из тупика, когда казалось, что все усилия, связанные с борьбой за прогресс и свободу, щедро оплаченные кровью, привели лишь к торжеству деспотизма. Народ не желал с этим мириться, он ждал своего спасителя и, наконец, обратил свои взоры на Голландию. Там нашелся выдающийся деятель, в одиночку поднявший преданных ему жителей Соединенных провинций на битву против совместных сил Франции и Англии. Голландия была спасена «энергией его души». Женитьба на дочери Якова II предоставила Вильгельму право рассматривать английские дела как свои собственные. Руководствуясь возвышенными представлениями о долге, он откликнулся на призыв угнетенных британцев. Он предпринял экспедицию, в итоге завершившуюся полным успехом. Завистники видели в этом опасном предприятии проявление личного честолюбия Вильгельма. Но так рассуждать могут, по Луи Бонапарту, лишь те, кто хотел бы принизить его великие побуждения, свести их к низменным страстям, «вульгарным чувствам». «Нет, самые высокие мысли направляют великие дела». Принципы Вильгельма предполагали восстановление свободы нации при сохранении порядка. Искореня пагубные политические страсти, он укрепил, до того пошатнувшийся, престиж власти в стране. Во всем он стремился следовать воле нации, во главе которой ему довелось оказаться.

Автор «фрагментов» категорически настаивал на том, что одиннадцать лет, прошедших во Франции после революции 1830 г., следует сопоставлять не с эпохой завершения общественных потрясений, а скорее с периодом их начала. На его взгляд, учитывая все обстоятельства совершающейся политической борьбы, аналогию положению современной Франции надлежит видеть в большом британском обществе 1640–1660 гг. Подлинно «философское сопоставление» фактов, распространенных идей, политики правительств должно приводить именно к такого рода выводу, хотя между произошедшими в двух странах событиями не может быть проведено полного отождествления.

Сравнивая британскую историю с французской, Луи Бонапарт основное различие видел в том, что в Англии политические плоды цивилизации созревали постепенно, на протяжении многих веков. Во Франции же была предпринята попытка достичь всего разом, чуть ли не за один день (революция 1789 г.). Что же до поведения правителей, то здесь сравнения уместны, ибо касаются общих принципов политического бытия. «Кромвель, который в течение пяти лет

занимал первое место, потому что политический и религиозный фанатизм требовали предводителя, не смог ничего создать. Он был только ловким рулевым во время бури» [ibid., I, p. 301]. Луи Бонапарт неоднократно повторяет мысль о том, что все величие правителя в единении с народной судьбой: «он имеет подлинную силу, только делаясь инструментом мнений большинства» [ibid., I, p. 303]. Поэтому Генрих VIII сумел поменять религию в государстве, а Стюарты потерпели крах в своих сходных намерениях.

«Стюарты обладали смелостью, умом, настойчивостью», но всего этого оказалось недостаточно для достижения их целей, ибо они противоречили основным устремлениям народа. Им всегда приходилось играть чужую роль: в душе католики, тираны, благоволившие Франции, они изображали защитников протестантизма, свободы и сугубо английских внешнеполитических интересов. Они думали только о старинных правах и привилегиях. В противоположность Стюартам, Вильгельм был именно таким человеком, каким и казался. Его заботили только общие интересы страны, в этом причина его возвышения.

Луи Бонапарт утверждал, что потерпят неудачу любые правительственные планы, расходящиеся с мнениями, мыслями нации. В заключении своего сочинения он провозглашает в качестве вывода из своих исторических размышлений «ясные, точные и применимые ко всем странам принципы». Они таковы: «Пример Стюартов доказывает, что иностранная поддержка всегда бессильна спасти правительство, которое не принимает нация. И история Англии во всеуслышание говорит королям: шагайте во главе идей вашего века, эти идеи последуют за вами и поддержат вас. Шагайте за ними следом, они увлекут вас за собой. Шагайте против них, они вас ниспровергнут» [ibid., I, p. 342].

К. Маркс в своей классической работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» уничижительно отзывался о мировосприятии племянника императора: «он смотрит на историческую жизнь народов и на все разыгрываемые ею драмы, как на комедию в самом пошлом смысле, как на маскарад, где пышные костюмы, слова и позы служат лишь маской для самой мелкой пакости» [2, с. 469]. С точки зрения Маркса, Луи Бонапарт – посредственная, «дюжинная и смешная личность», которой расстановка классовых сил позволила достичь вершин власти. Прославленный современник Маркса, В. Гюго изображал Луи Бонапарта как ничтожество, преступным путем завладевшее властью. В своих соображениях о его биографии, писатель замечает: «Его отправляют в тюрьму в Гам. Там он как будто берется за ум и обретает способность размышлять; он пишет и публикует несколько книг, в которых, несмотря на явное непонимание Франции и нашего времени, все же чувствуется дух демократии

и прогресса» [3, V, с. 21]. Гюго полагал, что своими сочинениями Луи Бонапарт «старался создать себе репутацию демократа», на деле же движимый честолюбием, он просто собирался извлечь политическую выгоду из создаваемого им образа.

Оценки исследователей последнего столетия менее резки и, пожалуй, намного более благоприятны для политической репутации Луи Бонапарта. Жорж Бордонов не без оснований полагает, что как предшествующие политические шаги Луи Бонапарта, так и публикуемые узником тексты были направлены на «придание бонапартизму не достававшего ему свода теории» [4, p. 61]. Несомненно, что «Исторические фрагменты» должны рассматриваться, прежде всего, в этом контексте.

П. П. Черкасов, описывая образ жизни пленника, отмечает: «Король, правда, распорядился, чтобы именитому узнику обеспечили сносные условия заключения. Так, ему было позволено выписывать себе в тюрьму любые, интересующие его книги. Это дало возможность Луи-Наполеону с пользой провести время, занимаясь литературным трудом» [5, с. 24]. Действительно, интеллектуальной деятельностью узник занимался много. «Каждое утро он работал с книгами по различным отраслям знаний (политика, история, военное дело, экономика, сельское хозяйство и др.), делал переводы (в том числе своего любимого авт. Фридриха Шиллера) и писал различные заметки и статьи» [6, с. 202]. Жорж Прадалье считал, что «своим образованием, своим характером, своими идеями, Наполеон III сближался с левыми, как и они, пропитанный гуманитарным идеализмом вполне в духе 1848 года» [7, p. 15].

Луи Жирар остроумно характеризует «Исторические фрагменты» Луи Бонапарта как «бандерилью, воткнутую в короля» [8, p. 64]. Эрик Ансо подчеркивает: в «Исторических фрагментах» Луи Бонапарт «утверждал, что Луи-Филипп предал дух трех славных дней, осуществляя власть, в противоположность Вильгельму Оранскому после Славной революции» [9, p. 99].

Адриен Дансет отмечал полемический характер «Исторических фрагментов», рассматривая их как ответ Гизо: сопоставляя две революции, «Министр Луи-Филиппа ставит историю на службу Июльской монархии». В свою очередь, Луи Бонапарт прославляет императора, оправдывает собственную политическую деятельность. «Коротко говоря, в то время как для Гизо Бурбоны выглядели как Стюарты и Луи-Филипп играл роль Вильгельма III, для Луи-Наполеона Стюарты предвосхищают Орлеанов и, можно догадаться, что он претендует быть французским Вильгельмом III» [10, p. 185–186].

Примечательно, что среди исследователей встречаются разноречивые оценки значения «фрагментов»

для интеллектуальной жизни эпохи. Так, Фредерик Блюш утверждал, что «Исторические фрагменты» «не лишены интереса», но все-таки в целом в отношении бонапартизма не вносят особой новизны [11, р. 65]. С другой стороны, Сюзанна Детерн и Генриетта Шанде отмечают, что «Исторические фрагменты» позволили Луи Бонапарту провести «новую атаку против правительства». Их оценка отличается точностью и лаконичностью: «в своей исторической форме, это маленькое сочинение представляет собой политический манифест, и публика хорошо его приняла» [12, р. 114].

Действительно, Луи Бонапарт фактически выступил с манифестом, в котором история служила ему поводом обратиться к современности. Он использует размышления о прошлом в качестве средства политической борьбы, подчеркивает свой патриотизм, объективность и вместе с тем непреклонность в поведении, вытекающую из осознания собственной правоты. Империя в его сознании выступает важным политическим ориентиром. Для будущего императора характерно включение собственных идеалов и поступков во всемирно-исторический контекст. В его манифесте присутствуют такие ключевые для бонапартизма мотивы, как: возвеличивание личности спасителя страны, постигающего и выражающего национальную идею в ее исторически обусловленной форме; призыв гарантировать свободу при сохранении порядка; похвалы по адресу военной славы.

Выступая с притязанием на постижение философской связи исторических событий, автор «фрагментов» не скрывал своего намерения прочесть будущее в прошлом. Это будущее виделось ему в оптимистическом для бонапартистских идей ключе. Сравнение двух революций для него – хороший повод для критики современного ему французского правительства. Намекая читателю на Реставрацию во Франции, он заявлял, что никогда иностранная поддержка правительства не помогала тому надолго удержаться у власти вопреки воле народа.

По существу, Луи Бонапарт справедливо настаивал на важности обращения к предыстории великих

социальных катаклизмов, высказывался против поверхностного отождествления событий двух революций, сведения их к примитивному, одномерному прочтению. Но вместе с тем, противопоставляя фрагментарное и общее понимание истории, он видел в ней слишком хорошее подтверждение собственным политическим предпочтениям и расчетам. В дальнейших работах Луи Бонапарта усиливаются социальные мотивы, выдвигаются различные идеи, связанные с проектами преобразования общества. Сохранит он интерес и к философскому осмыслению истории; впоследствии, уже во времена Второй империи, опубликует свою обширную «Историю Юлия Цезаря». Что же до убеждений, выраженных в «Исторических фрагментах», то от них он не откажется и в период пребывания у власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Napoléon III. Œuvres / Napoléon III.* – Paris : Plon, 1856. – Vol. I–IV.
2. *Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произв. : в 3 т. – М. : Политиздат, 1985. – Т. 1. – С. 418–516.
3. *Гюго В.* Собр. соч. : в 15 т. / В. Гюго. – М. : Гослитиздат, 1953–1956.
4. *Bordonove G. Napoléon III / G. Bordonove.* – Paris : Pygmalion, 1998. – 457 p.
5. *Черкасов П. П.* Александр II и Наполеон III. Несостоявшийся союз (1856–1870) / П. П. Черкасов. – М. : Тов-во науч. изд. КМК, 2015. – 450 с.
6. *Бабина А. В.* Наполеон III : триумф и трагедия / А. В. Бабина. – М. : Этерна, 2021. – 896 с.
7. *Pradalié G. Le second empire / G. Pradalié.* – Paris : PUF, 1974. – 127 p.
8. *Girard L. Napoléon III / L. Girard.* – Paris : Fayard, 2013. – 550 p.
9. *Anceau E. Napoléon III. Un Saint-Simon à cheval / E. Anceau.* – Paris : Tallandier, 2008. – 750 p.
10. *Dansette A. Louis-Napoléon à la conquête du pouvoir / A. Dansette.* – Paris : Hachette, 1961. – 419 p.
11. *Bluche F. Le bonapartisme / F. Bluche.* – Paris : PUF, 1981. – 127 p.
12. *Desternes S. Napoléon III. Homme du XX siècle / S. Desternes, H. Chandet.* – Paris : Hachette, 1961. – 365 p.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Кротов А. А., доктор философских наук, заведующий кафедрой истории и теории мировой культуры
E-mail: krotov@philos.msu.ru

Moscow State University named after M. V. Lomonosov
Krotov A. A., Doctor of Philosophy, Head of the Department of History and Theory of World Culture
E-mail: krotov@philos.msu.ru